ЗОНТ

The.Feer

The.Feer

Зонт

«Автор»
2026

The.Feer

Зонт / The.Feer — «Автор», 2026

Как заставить жену ревновать, если она замечает всё кроме тебя? Ювелир Аркадий Разказов находит способ: роман напоказ с лучшей подругой жены, актрисой Женей. Три недели игры, чёрный зонт на двоих, спектакль, в конце которого погаснет свет. Но у сони, его жены, профессия, в которой не упускают мелочей. а у самой игры есть неприятное свойство: однажды она перестает быть игрой...

© The.Feer, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Зонт 5
Глава вторая. Предложение 7
Глава третья. Под одним зонтом 9
Глава четвёртая. Привычка замечать 11
Глава пятая. Театр 13
Глава шестая. Бергамот 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

The.Feer
Зонт

Глава первая. Зонт

Город стоял на высоком берегу, и река внизу казалась не рекой, а привычкой: на неё смотрели каждое утро и не замечали, как не замечают мужа, который надоел. В городе знали друг друга по фамилиям, отчествам и дедам, и всякая новость, не успев родиться, уже имела трёх свидетелей и две версии.

Аркадий Аркадиевич Рассказов держал на Купеческой улице лавку с мастерской. Дом был старый, с виноградными гроздьями над окнами, а вывеска без затей сообщала: «Рассказов. Золото, серебро, починка». Ювелиром был дед, ювелиром был отец, и тридцатитрёхлетний Аркадий унаследовал не только верстак и тиски, но и привычку смотреть на вещи сквозь лупу, то есть видеть в них трещину раньше, чем блеск. Руки у него были сухие и тонкие. В городе говорили: Рассказов за пять минут скажет, фальшивый ли у вас камень, а за десять - фальшивы ли вы сами.

Был у него ещё зонт. Огромный, чёрный, с ручкой из тёмного дуба и стальными спицами, перешедший от отца, а к отцу от кого-то и вовсе давнего. Под куполом этого зонта свободно умещались трое, а в сильный ветер он вёл себя как парус. Отец поговаривал: «Рассказовы под дождём не мокнут». Аркадий носил зонт в любую погоду, даже в ясную, и люди думали, что это чудачество, хотя для него это было то же, что для других носовой платок. Без зонта он чувствовал себя так, будто вышел из дома без пальцев.

Женат Аркадий Аркадиевич был восемь лет на Софье Валерьевне, которую все, включая прокурора города, звали Соней. Соня служила старшим следователем. Познакомились они именно по службе: она зашла в лавку по делу о краже, показала фотографию кольца и спросила, не приносили ли такое к нему на скупку. Он ответил, что не приносили, но готов сделать копию, чтобы она сравнила. Соня сказала, что следствию копий не требуется. А он ответил, что копия не следствию, а ей лично, и покраснел до ушей, как мальчишка. Она засмеялась, и этот смех он носил в себе восемь лет, как носят в кармане камешек в виде сердечка, найденный на берегу.

Аркадий был человеком осязательным. Слова он понимал хуже, чем вещи, а вещи понимал через пальцы: прежде чем оценить камень, он должен был подержать его в ладони, согреть, почувствовать, как тот принимает тепло. С людьми выходило так же. Он обнимал, здороваясь и прощаясь, брал собеседника за локоть, поправлял жене воротник, которому поправка была не нужна, гладил её по волосам, пока она читала, и считал это не нежностью, а способом говорить. Первые годы Соня откликалась на это охотно, засыпала у него на плече и в кино, не глядя, протягивала руку за его рукой. Но следственная работа отучает от прикосновений так же верно, как приучает к перчаткам: к чужим вещам не прикасаются, чтобы не оставить следов. Постепенно её плечо научилось уходить из-под его ладони, и Аркадий, ничего не понимая, стал касаться реже, чтобы не быть навязчивым. Реже касался он, реже касались его, и вот уже год, а то и больше, самым долгим их прикосновением был тот миг, когда она забирала у него из рук тарелку. Вслух он бы этого не сказал, но втайне считал, что человек, к которому не прикасаются, мало-помалу перестаёт существовать, и что он, Аркадий, оттого и стал ненужным.

Теперь она почти не смеялась. Не потому, что стала мрачной, а потому, что смеяться, видимо, было некогда. Соня вела дела об убийствах, и убийства, как выяснилось, занимали её полнее, чем брак: в них хоть что-то происходило. Приходя домой, она ужинала, не отрываясь от папки, вилка в левой руке, том дела в правой, и Аркадию оставалось смотреть, как

на страницах шевелятся её глаза. Он научился узнавать по этому движению, какое дело у неё сейчас: убийство из ревности читалось быстро, с азартом, убийство из корысти - медленно и со вздохом...

В тот октябрьский вечер, когда за окном уже третьи сутки сеяла мелкая, как мука, морось, он положил возле её тарелки бархатную коробочку и по привычке потянулся второй рукой к её плечу, но рука повисла в воздухе, не найдя, куда сесть.

- Что это? - спросила Соня, не поднимая головы.

- Серьги. Я делал их два месяца. Цвет камня я подбирал под твои зёленые глаза.

Она открыла коробочку, посмотрела секунды две и сказала:

- Красивые.

И вернулась к странице. Не обидно, не равнодушно. Аркадий стоял над ней и понимал, что обиды в этом нет, а есть нечто худшее: его перестали замечать, как не замечают мебель, и никто не виноват в том, что мебель стоит на своём месте восемь лет подряд.

Ночью, лёжа с ней спина к спине, он долго смотрел в потолок, где фонарь с улицы рисовал дрожащий водянистый квадрат. И в голову ему пришла мысль, которая показалась ему тогда благородной и тонкой, как хорошая огранка. Человек замечает только то, что может потерять. Мебель не теряют, мебель переставляют. А значит, нужно, чтобы она увидела: вещь, которую считали своей навсегда, смотрит в сторону.

Мысль была умная. Дурное в умных мыслях то, что они всегда кажутся безопасными, пока их не начинают исполнять.

Он повернулся и осторожно положил ладонь ей между лопаток, туда, где она когда-то любила засыпать под его рукой.

- Соня, - шепнул он в темноту. - Ты спишь?

- Нет. Думаю про свидетеля, который путается в показаниях, - ответила она и, без злости, по привычке, повела плечом, так что его ладонь соскользнула с её спины на простыню.

«Вот и славно, - подумал Аркадий Аркадиевич. - Значит, умеет замечать, когда человек путается. Надо только дать ей повод».

Утром он надел плащ, взял зонт и пошёл не в мастерскую, а к театру. Потому что среди всех знакомых женщин города была лишь одна, способная сыграть то, что он задумал. И к тому же она была лучшей Сониной подругой, а значит, самой надёжной в этом деле, как ему тогда казалось.

Глава вторая. Предложение

Евгения Ильинична Редисова, для сцены Редисова, для знакомых Женька, служила в городском драматическом театре пятнадцатый год и успела сыграть в нём всё, кроме той роли, о которой мечтала. Ей было тридцать пять. У неё были длинные вьющиеся каштановые волосы, которые вечно выбивались из любой причёски, как озорные дети из строя, и тёмно-карие глаза, умевшие в одну секунду стать то насмешливыми, то такими печальными, что в зале переставали кашлять. Режиссёры говорили, что у Редисовой «лицо, на котором не надо играть».

С Аркадием её связывала дружба настолько старая, что никто уже не помнил, с чего она началась. Он чинил театральный реквизит: подкручивал царские короны, восстанавливал оторванные пуговицы на мундирах и делал для спектаклей подлинные, пусть и из латуни, кольца, потому что Женька утверждала, что фальшивое кольцо видно из пятого ряда. На свадьбе Аркадия и Сони она была свидетельницей, причём успела за один вечер и расплакаться, и поссориться с организатором. Она знала все их ссоры наперечёт и ни одну не выдала. Словом, она была из тех, кого не замечаешь, пока не вынешь из жизни.

Он застал её на репетиции. В полутёмном зале пахло пылью и клеем, на сцене стояли декорации усадьбы, а Женька, закутанная в чужую шаль, говорила в пустоту монолог о том, что надо жить. Режиссёр дремал в третьем ряду. Аркадий сел у прохода, положил на колени зонт и дождался перерыва.

- Аркаша! - Она спрыгнула со сцены в зал, стуча каблуками. - Кольцо для Маши уже готово? Я же говорила, оно должно быть тяжёлое, чтобы я чувствовала вес этой несчастной.

- Кольцо готово. Женя, мне нужно с тобой поговорить. Серьёзно.

- Тогда пошли в буфет, там серьёзные разговоры лучше пахнут.

В буфете сидела одна уборщица, листавшая телевизионную программу. Они взяли чай, и Аркадий, глядя на ложечку, а не на собеседницу, изложил свой замысел. Говорил он ровно, словно описывал оправу, и от этого чудовищность предложения звучала почти разумно. Женька слушала и сперва улыбалась, потом улыбка у неё вытянулась, потом исчезла. Когда он замолчал, она поставила чашку и очень тихо спросила:

- Ты же шутишь?

- Нет.

- Ты хочешь, чтобы я изображала твою любовницу. Перед всем городом. Чтобы Соня ревновала.

- Чтобы она увидела меня, - поправил Аркадий. - Женя, она восемь лет не поднимает глаз от папки. Я подарил ей серьги, на которые потратил два месяца, а она сказала «красивые». Я стал для неё предметом обстановки. А ещё меня больше не трогают, Женя. Не в том смысле, а просто: рукой, плечом, по волосам. Месяцами. Я, знаешь, из тех, кто без этого вянет, как цветок без воды. Если меня не касаются, я начинаю думать, что меня нет. А ты актриса. Ты можешь сыграть так, чтобы поверили.

- Я конечно могу сыграть так, чтобы поверили, - медленно сказала Женька, - а ты вообще понимаешь, что ты предлагаешь? Это Соня. Моя Соня. Мы с ней выросли в одном дворе, я её на санках возила. Она пойдёт ночью на улицу в одном халате, если мне будет плохо. И ты просишь меня стать женщиной, из-за которой ей будет плохо.

- На три недели, - сказал Аркадий. - Потом мы признаемся, она рассмеётся, и мы все выпьем за то, что глупее затеи не придумаешь.

- Соня не смеётся, - возразила Женька. - она составляет протоколы.

Они помолчали. За стеной кто-то упражнялся в пении, и фальшивая нота повторялась снова и снова, будто просила прощения.

- Если бы она хоть раз сказала мне «где ты был», - глухо произнёс Аркадий. - Хоть раз. Я бы всё рассказал, вот честное слово. Но она не спрашивает. Ей вообще не интересно, где я бываю.

Женька смотрела на него долго, и взгляд её сделался такой, какой бывает у врача, когда он понимает, что пациента проще согласиться лечить, чем разубедить. В его словах была правда, и это обезоруживало. Она и сама знала за ним эту слабость: он вечно поправлял ей воротник, обнимал за плечи, подхватывал под локоть на лестнице, как другие здороваются словами. И в последний год заметила, что объятия его стали дольше, будто он набирал впрок. Она знала Соню лучше всех и знала, что та действительно перестала смотреть на мужа, как перестают смотреть на привычную картину. И ещё она знала про себя одну вещь, в которой не призналась бы и под пыткой: ей давно не доставалась ни одна настоящая роль, а тут предлагали сыграть женщину с тайной, настоящую, без дублёра.

- Условия, - сказала она наконец, и Аркадий понял, что победил, и почему-то не обрадовался. - Первое: только на людях. Никаких глупостей наедине. Второе: поцелуи только сценические, то есть, дорогой мой, на публику и в щёку. Третье: как только Соня хоть слово скажет или заплачет, мы немедленно всё прекращаем и идём каяться.

- Согласен. Четвёртое?

- Четвёртое, - Женька поправила шаль. - Мы не должны ни на секунду забывать, что это игра. Чем лучше играешь, тем легче в неё поверить самому. Это профессиональное.

- Во что же мне поверить? - усмехнулся он. - Что я, ювелир, вдруг сделался героем-любовником?

- В роль, дурак, - сказала Женька и впервые за весь разговор улыбнулась, но как-то криво, не глазами. - В роль.

Они допили чай. На улице, пока Аркадий возился с зонтом, Женька вдруг вспомнила, что надо что-то уточнить, вернулась, и, не глядя на него, сказала:

- Только пообещай мне одну вещь. Если у нас получится слишком хорошо, ты остановишь это первым. Потому что я не остановлюсь. Я актриса, мы не умеем уходить со сцены, пока не дали занавес.

- Обещаю, - сказал Аркадий.

Он обещал легко, как обещают люди, не понимающие, что именно они подписывают. А над городом, нехотя, но всерьёз, начинался дождь.

Глава третья. Под одним зонтом

Дождь шёл всю неделю, и это оказалось лучшим из того, что могла предоставить природа сочинителям интриг. Под большим чёрным зонтом Рассказовых идти можно было только вплотную, плечом к плечу, и всякий, кто видел их издали, видел не двух приятелей, а одну тёмную фигуру с четырьмя ногами. Это было как раз то, что требовалось.

В первый вечер они вышли на набережную, главную прогулочную улицу города, где в хорошую погоду гуляли все, а в плохую - те, кому было что показать. Женька надела красное пальто, купленное года три назад для роли Раневской, и повязала шарф так, чтобы концы свободно развевались. Аркадий вёл её под руку и чувствовал себя, как человек, вынесший на солнце вещь, которую долго держал в сундуке. Ладони его, обычно такие уверенные, сперва не знали, куда себя деть, а потом нашли: поправили на ней шарф, смахнули с плеча дождинки, подхватили под локоть на скользких ступенях. Всё это он делал бессознательно.

- Не горбись, - сказала Женька краешком губ. - Ты влюблённый мужчина, а не оценщик в ломбарде. Смотри на меня.

- Куда смотреть?

- На меня. Когда на человека смотрят так, будто ему сейчас подарят золотую рыбку, он сразу выглядит влюблённым.

Он посмотрел. И тут выяснилось, что играть почти не нужно: стоило ему повернуть голову, как под зонтом, в тёплом полумраке, он увидел её лицо совсем близко, со спутанной прядью у виска, с каплей на реснице, с ямочкой, которой он не замечал столько лет. Он вдруг смутился по-настоящему, и Женька, отметив это, одобрительно кивнула: «Вот так. Отлично». Она, конечно, подумала, что это хорошая игра.

Они прошли всю набережную. Остановились у киоска и выпили по стакану горячего шоколада, и Женька вытерла ему верхнюю губу пальцем, нарочито медленно, на виду у двух старушек, торговавших семечками. Старушки обменялись взглядами, красноречивее которых не бывает. Он ждал, что ему станет стыдно, но стало почему-то весело. Годами он не гулял по улицам просто так, без цели, без заказа в кармане, без стеклянной корзины чужих драгоценностей в голове.

- Ты смеёшься, - заметила Женька.

- Я не смеюсь.

- Смеёшься. Глазами. Продолжай, у тебя получается.

Прощались они у её подъезда, и тут Аркадий обнаружил то, чего не предусматривал план: руки его не умели прощаться на расстоянии. Он обнял её осторожно, как обнимают хрупкое, а она вдруг сжала его крепко, всем телом и, смеясь, ткнулась зубами ему в плечо сквозь драп плаща.

- Это что? - спросил он.

- Метка, - сказала Женька. - Чтобы знали, что ты занят. Старая театральная присета.

Приметы такой не существовало, он понял это позже. Но с того вечера прощались они всегда одинаково: объятие и укус, сперва шутливый, через плащ, потом через пиджак, потом через рубашку.

Так прошла первая неделя. Они гуляли по набережной, заходили в кафе «Русалка», где в окнах висели рыбацкие сети, а официантки знали всех горожан по заказам, и сидели там нарочно у окна, чтобы с улицы было видно. Женька смеялась, закидывая голову, отчего её каштановые кудри ссыпались на плечи, Аркадий наклонялся ближе, чем нужно, и накрывал её руку своей. Проходившие мимо замедляли шаг. Один раз за стеклом возникла жена нотариуса Агафья Игнатьевна, прижала к витрине нос, как ребёнок к аквариуму, и, судя по выражению лица, увидела в нём золотую рыбку.

Через два дня весь город знал, что Рассказов гуляет с Редисовой. Городу, как известно, достаточно намёка, чтобы построить дом; а тут намёков хватило бы на целый квартал.

Дошло до Сони, как и рассчитывал Аркадий, в четверг. Она сидела в кабинете прокурора, на еженедельном совещании, и после того как обсудили неявки свидетелей и пропавшую пломбу, супруга заместителя прокурора, Нина Константиновна, зашедшая принести пирог к чаю, будто бы между прочим уронила:

- А я вашего Аркадия на днях видела. Такой галантный стал. С Женей, с вашей подругой, под зонтиком, прямо как на открытке. Ну, вы с ней, конечно, как сёстры...

В кабинете повисла та тишина, в которой слышно, как ложечка трогает стенку чашки. Соня подняла голову. Все присутствующие, люди служебные, наблюдательные, невольно подались вперёд: слухи о таких вещах были их хлебом, пусть и не по должности.

- Разумеется, как сёстры, - ровно сказала Соня. - Женя очень любит Аркадия. Он и её любит. Он для неё столько реквизита перечинил, что она, если бы могла, уже давно подарила бы ему орден.

- Конечно-конечно, - закивала Нина Константиновна, разочарованная, как человек, у которого из-под носа выдернули тарелку.

Соня взяла пирог, откусила и обсудила с прокурором экспертизу. Но вечером, придя домой и повесив плащ на крючок, она, вопреки обыкновению, не пошла сразу в комнату к папкам, а постояла в прихожей. Зонт в углу уже стоял, и на его чёрном куполе блестели капли. Она потрогала ручку. Ручка была тёплая, как рука человека, которого недавно проводили.

А Аркадий в этот момент сидел на кухне, наливал чай и объяснял, почему задержался: заказчик пришёл поздно, и пришлось подгонять размер браслета. И когда Соня вошла, он, не поворачиваясь, сказал:

- Тебе налить?

- Налей, - сказала она, и села напротив, и посмотрела на него. Не мимо, не вскользь, не как на мебель.

Он ощутил это, как ожог. Через три дня план даёт плоды, подумал он с торжеством. Но торжество было странное: в груди у него вместо радости заныло что-то похожее на тревогу, как ноет мышца, когда несёшь слишком тяжёлое. А на рукаве его пиджака, на тёмной ткани, лежал длинный вьющийся каштановый волос.

Соня увидела его раньше, чем он успел заметить. И ничего не сказала. Только пододвинула чашку и спросила, как дела на работе.

Глава четвёртая. Привычка замечать

Было у Софьи Валерьевны правило, выработанное за девять лет службы: люди лгут телом, а не словами. Слова - это адвокат, который нанимается заранее и говорит гладко, а тело - свидетель, которого забыли предупредить. Рука потянулась к воротнику, взгляд ушёл вправо, плечо дёрнулось - вот и вся правда, остальное протокол.

В тот месяц на её столе лежало дело Ширяевой, которое не давало ей покоя. Ольга Ширяева, тридцать шесть лет, учительница музыки, отравила мужа, а потом сама пришла в отдел, села на стул, сложила руки на коленях и сказала: «Пишите что хотите. Я устала жить в этом доме, как в шкафу». В деле не было ни любовника, ни побоев, ни долгов. Было четырнадцать лет молчаливого брака, в котором муж не сделал жене ничего дурного, а жена в конце концов сделала ему самое дурное. Соня читала показания соседей и думала, что нынешние убийства редко случаются из страсти. Они случаются из тишины. Страсть, по крайней мере, шумит.

Дома тоже становилось тихо, и с недавних пор тишина была какой-то другой, с шорохами. Это Соня, будучи человеком профессиональным, отметила первой. У Аркадия появились привычки. Он стал напевать в ванной, и напевал верно, чего прежде за ним не водилось. Он снова стал касаться её, проходя мимо по коридору: легко, виновато, как касаются выздоравливающих. Но в этих касаниях появилась чужая уверенность, будто его руки кто-то заново научил обниматься. Он гладил себе рубашки сам, неумело, оставляя на воротниках ожоги, которые в другое время смутили бы его до слёз, а теперь только вызывали улыбку. Он купил в хозяйственном магазине липкий валик для чистки одежды, и за восемь лет совместной жизни этот предмет не появлялся в доме ни разу. Соня обнаружила валик в среду. Повертела, посмотрела на свет и увидела на липком слое три волоска. Длинные, тонкие, каштановые, один с лёгким завитком.

В тот же день она принюхалась к его шарфу, чего никогда не делала. Шарф пах дождём, пылью, оловом, обычной ювелирной кислинкой, и ещё чем-то чужим. Ваниль и горький миндаль, а под ними, совсем в глубине, сладковатая пудра, какой пахнут театральные гримёрки. Соня положила шарф обратно, вымыла руки и села писать отчёт по Ширяевой, но почему-то написала в графе «смягчающие обстоятельства» слово «усталость» и задумчиво зачеркнула.

Надо сказать, что в голове у неё немедленно оформилась версия, и надо отдать Софье Валерьевне должное: она разглядела её сразу и сразу же отложила в сторону. Человек, которого ты любишь, никогда не бывает хорошим свидетелем: ты не видишь очевидного именно потому, что оно очевидно. Длинные каштановые волосы с завитком принадлежали Женьке, это было ясно, как дважды два, и от ясности её даже слегка затошнило. Но Женька дважды в месяц забегала в мастерскую за реквизитом, роняла там волосы, шпильки и недопитый чай, и этого было достаточно, чтобы любой адвокат разбил такую улику одним вопросом. Да и вообще, чёрт возьми, это же Женька. Женька не умела ей врать, потому что ни разу в жизни не пробовала.

Вечером, пока Аркадий возился на кухне с заваркой, она достала из ящика стола простую школьную тетрадь в клетку, придержала резинкой, как делала для самых вязких дел, и вывела на обложке одну букву: «Р.». Внутрь она записала без комментариев:

«12 окт. Серьги. Не заметила. (Заметила, но не сказала. Почему?) 17 окт. Н. К. видела А. с Е. на набережной. Под зонтом. 20 окт. Валик. Три волоса. Запах: ваниль, миндаль, пудра. 21 окт. Поёт. Раньше не пел».

Последнюю запись она перечитала дважды. «Раньше не пел». Из всего перечисленного это было самое неприятное, потому что другие улики можно было объяснить заботой, дружбой, работой. А вот объяснить, почему человек, восемь лет не певший, запел, можно было только одним способом.

Она закрыла тетрадь. Странно: она ожидала, что почувствует ярость или хотя бы обиду, которую можно предъявить, пронумеровать и приобщить. Но внутри было другое, что-то тёплое, старое и ноющее, как сломанная когда-то рука, которая реагирует на дождь. Она узнала это чувство не сразу, потому что давно с ним не встречалась. Это называлось «мне не всё равно». И от того, что оно вернулось в такой момент и по такому поводу, ей захотелось не плакать, а смеяться, зло и коротко, как смеются над собственной шуткой.

В дверях кухни стоял Аркадий с двумя чашками. Он держал их по-ювелирному, бережно, двумя пальцами за ушки, и вид у него был такой радостный и такой виноватый одновременно, что даже следователь с девятилетним стажем почти поверила, что перед ней обыкновенный счастливый человек.

- Почему ты так смотришь? - спросил он.

- Думаю про дело, - ответила Соня. - Про одну женщину, которая слишком долго терпела.

- Чем кончилось?

- Тем, чем кончается всегда, - сказала Соня и взяла чашку. - Тем, что кто-то решил больше не терпеть. Спасибо за чай.

Она смотрела, как у него дёрнулся левый глаз, и записала это в уме двадцать второй строкой.

Глава пятая. Театр

Столичный театр приехал на гастроли в конце октября, привёз «Грозу» и три грузовика декораций, и весь город, считавший себя ценителем драматического искусства, купил билеты на премьерный вечер. Женька получила два места в седьмом ряду партера, по самой середине. «Вот где нас увидят все», - сказала она, и в голосе её прозвучало что-то среднее между профессиональной гордостью и страхом перед выходом на сцену.

Соня в этот вечер дежурила: ей выпали сутки в отделе, и она, поцеловав Аркадия у двери в щёку, сказала только: «Хорошо вам посидеть». Он потом долго думал об этой фразе. Хорошо вам посидеть. Не «тебе», а «вам». Но тогда не придал значения и пошёл в театр с зонтом на сгибе локтя, в чёрном костюме, который надевал на свадьбы и похороны, и с ощущением, что идёт на одно, а попадёт на другое.

В фойе было людно, пахло духами, мокрыми зонтами и антрактовым коньяком. Женька появилась в тёмно-зелёном платье, с волосами, собранными кое-как, так что каштановые кудри вываливались из шпилек и ложились ей на открытые плечи. Аркадий увидел её и забыл, что хотел сказать. Потом вспомнил: кругом сидит и стоит полгорода, надо вести себя соответственно.

- Руку, - шепнула Женька, и он взял её под локоть.

Они шли между рядами, и взгляды расступались перед ними и смыкались позади, как вода за лодкой. Нотариус Игнатов приподнял шляпу. Нина Константиновна, жена заместителя прокурора, отложила программку на полуслове. Директор музея, пожилой человек, всю жизнь изучавший древние монеты и ничему больше не удивлявшийся, удивился и закашлялся. Аркадий поймал себя на мысли, что идёт сквозь строй, и что строй, как ни странно, ему аплодирует.

Свет погас. Занавес пошёл вверх, и на сцене возникла Волга, нарисованная по-театральному смело: широкая, свинцовая, с тяжёлым небом, обещавшим дождь. Женька сидела тихо, не шевелясь, и он видел её профиль в отсвете сцены: нос с еле заметной горбинкой, ресницы, подбородок, чуть вздёрнутый, будто в вечном вызове. На втором выходе Катерины она вдруг протянула руку и положила свою ладонь поверх его, лежавшей на подлокотнике. Просто положила и замерла. По плану, конечно. Они договаривались: держаться за руки весь спектакль, чтобы, если кто смотрит, смотрел до самого конца.

Первое действие он выдержал, как выдерживают ожидание хирурга. Рука у Женьки была тёплая, с узкими пальцами, на одном из них серебряное колечко его работы. Он чувствовал каждый её палец. Большой палец его, не спросясь, поглаживал её запястье, ту косточку, что выступает над ладонью, и Аркадий не сразу заметил, что делает это так же привычно, как дышит. К концу первого действия он перестал смотреть на публику, а ко второму забыл, что нужно было на неё смотреть.

- Слушай, - шепнула Женька, наклонившись к его уху. Её дыхание пахло мятой. - Сейчас будет монолог про птиц - «Отчего люди не летают так, как птицы.» Лиза его читает неплохо, но слишком красиво. Катерине не нужно красиво. Ей нужно, чтобы дыхание срывалось, потому что она знает: ей это уже не поможет.

Лиза на сцене подняла лицо к колосникам и произнесла вечные слова, и в зале стало так тихо, что слышалось, как шуршит шёлк на плечах у соседки. Аркадий вдруг понял, что рука Женьки в его руке мелко дрожит. Она шепнула ещё что-то, но он не разобрал, потому что в ушах у него шумела кровь.

В третьем акте гремела гроза. Грохот за кулисами, вспышки прожекторов, толпа на сцене, крестящаяся и жмущаяся к стенам, и Катерина, бледная, в платке, вдруг шагнула вперёд и сказала в зал, на глазах у мужа и свекрови, что грешна. Что любила. Что не может больше молчать.

- Вот, - тихо сказала Женька. - Вот в этом и ошибка. Всегда одна и та же. Сказать вслух.

- А что надо было?

- Не знаю. Наверное, ничего. Или ни с кем не связываться.

Её пальцы шевельнулись и переплелись с его пальцами, не вдоль, как положено при публичном держании за руку, а крест-накрест, плотно, как переплетают руки те, кто собирается долго идти. Это не значилось в плане. Аркадий хотел спросить, зачем, но она сидела с каменным лицом, глядя прямо перед собой, и он понял, что она сама не знает.

Финал он запомнил навсегда. На сцене Катерина поднялась на утёс, произнесла последние слова, обращённые уже не к людям, и ушла вниз по ступеням, мимо света. В зале погас свет, весь, до последней лампочки, по режиссёрскому замыслу, чтобы публика пережила секунду мёртвой тишины перед аплодисментами. Это была абсолютная тьма, с запахом пыли, чужих духов и мокрых плащей.

Он не успел сообразить, как это случилось. Он повернулся к ней, и она повернулась к нему, и в темноте, в которой никто и ничего не мог видеть, их губы встретились. Они договаривались о показных поцелуях, на публику, в щёку. Но публика не могла этого видеть, и значит, поцелуй не был показным. Это длилось одну секунду, может быть две, но время в темноте растягивается.

Потом вспыхнул свет, ударили аплодисменты, зал поднялся, а они остались сидеть, глядя прямо перед собой. Женька первой пришла в себя. Она поправила платье, нащупала сумочку и сказала голосом, каким говорят о погоде:

- Ты видел Агафью?

- Нет, - солгал Аркадий.

- Я тоже нет, - сказала Женька, и в этом «тоже нет» было больше правды, чем во всём их плане.

В фойе, пробираясь к гардеробу сквозь толпу, он столкнулся с Ниной Константиновной. Та, вся в огнях бриллиантов, всплеснула руками:

- Аркадий Аркадиевич! Какая сила, правда? Такие страсти!

- Да, - сказал Аркадий, не глядя на Женьку. - Страсти. Мы, знаете, тоже очень впечатлились.

Нина Константиновна проводила их взглядом, полным немого восторга. А Аркадий, спускаясь по ступеням под своим зонтом, который Женька держала над собой и над ним, чувствовал только одно: что не может теперь вспомнить, зачем вообще всё это затеял.

Глава шестая. Бергамот

В воскресенье Соня позвала Женьку на чай. Они делали так много лет: раз в месяц, без повода, садились на кухне, брали одну на двоих плитку шоколада, и в течение трёх часов обсуждали всё, начиная с мужчин и кончая закулисными интригами Мариинки, в которой ни одна из них никогда не бывала. Это был ритуал, почти церковный. Пропускать его не полагалось.

Женька пришла с коробкой зефира в красивой упаковке, в вязаной шапке, из-под которой выбивались мокрые кудри, и с лицом, которое старательно изображало беззаботность. Соня заметила это ещё в прихожей, потому что Женька, всегда, сколько Соня её помнила, начинавшая с порога болтать, на этот раз долго снимала сапог и молчала.

Аркадий сидел в мастерской, обещал не мешать, и демонстративно хлопнул входной дверью. Его решили не ждать.

- Как спектакль? - спросила Соня, ставя на стол чайник. - Нина Константиновна мне отзвонилась в тот же вечер. Сказала, ты была очень красивая и вся в слезах.

- Лиза хорошо играет, - быстро сказала Женька. - Ну, то есть чересчур красиво, но для провинции даже слишком. А Аркаша со мной просто сидел. У меня было два билета, а тебя не было. Он ужасно скучал по тебе, всё время поглядывал на пустое место.

Она спохватилась, что последнее - лишнее, но было поздно: слова вылетели, как птицы из пробитой клетки. Соня не шелохнулась. Только на секунду задержала чайник над чашкой, и в её взгляде мелькнуло то самое выражение, с каким она в отделе наблюдала за свидетелем, чей рассказ становился подозрительно складным.

- Скучал по мне? - переспросила она. - Любопытно. Я думала, он вообще не замечает, что меня нет.

- Замечает, - сказала Женька и уставилась в чашку. - Он на самом деле очень тебя любит, Сонь.

- Верую.

Они помолчали. На плите стоял мёд в стеклянной банке, и Соня перетирала ложкой тягучую золотистую струю, будто время так можно было остановить. Потом пошёл разговор о театре, о новой костюмерше, о том, как режиссёр заставил Женьку три часа лежать на сцене в роли мёртвого второстепенного персонажа и она чуть не уснула. Женька смеялась, но Соня видела: смех у неё идёт верхним слоем, как масло по воде, а снизу что-то совсем другое.

- Знаешь, он ведь только с бергамотом чай пьёт, - вдруг сказала Женька, показывая на чашку. - Без сахара, а мёд вприкуску. И ложечку держит как ювелир, двумя пальцами. И в мастерской, когда работает, поёт. Страшно фальшивит, но с душой. Вчера «Ой, мороз, мороз» исполнял с таким надрывом, что соседи бы заплакали.

И осеклась. Потому что говорила не как подруга семьи, обмолвившаяся на обычной встрече, а как человек, у которого вчера был вечер, песни и чай в одном и том же месте. Соня ничего не ответила. Она только медленно отпила и спросила очень ровно:

- В мастерской? Вчера? Он вчера до десяти там был, да. Реквизит чинил?

- Реквизит, - ухватилась Женька. - Корону для Ивана Грозного. Я заходила забрать.

- Хорошая корона получилась?

- Тяжёлая, - сказала Женька, и голос её дрогнул.

На кухне тикали настенные часы, подаренные на пятую годовщину свадьбы. Соня поставила чашку на блюдце, положила ладони на стол, как делала в кабинете перед допросом, и сказала:

- Женя, посмотри на меня. Только честно, как мы всегда договаривались. У Аркадия кто-то есть?

Женька почувствовала, как под лопатками у неё проехал ледяной палец. Она пятнадцать лет училась лгать со сцены, и теперь поняла, что ни разу в жизни не лгала по-настоящему. На сцене лгут все, и зрители знают, что им лгут, и благодарят за это аплодисментами. А тут перед ней сидела единственная женщина, которая провела с ней всё детство во дворе, три расставания, одну смерть и одну свадьбу, и смотрела, как смотрит человек, готовый поверить любому ответу, если он будет произнесён без запинки.

- Соня, - сказала она, и сама удивилась своему спокойному, глубокому голосу. - Если бы у Аркадия кто-то был, это была бы самая счастливая женщина в нашем городе.

- Я не про счастье спрашиваю. Ответь.

- Нет, - сказала Женька. - Никого нет.

Соня кивнула. Долго смотрела на неё, потом протянула руку и убрала с её лба прилипшую мокрую прядь, как делала всякий раз, когда Женька плакала над очередной неудачной любовью. И вдруг притянула к себе, обняла крепко, до хруста в плечах.

- Спасибо, - шепнула она ей в волосы. - Ты у меня одна, ты знаешь? Я ведь никому не верю, на то и профессия. А тебе верю. Мне хватает этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.